

ментальные установки, среди которых доминантой была вера в первенство высокой литературы. И художественная авторефлексия собственной судьбы в контексте самоидентификации эмиграции третьей волны как нельзя лучше демонстрировала сближение двух истоков русской литературы XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Struve G.* The Double Life of Russian Literature // Books Abroad. – 1954. – Vol. 28.
2. Одна или две русских литературы?: Международный симпозиум. – Lausanne, 1981.
3. *Зиник З.* Эмиграция как литературный прием / З.Зиник. – М., 2011.
4. *Садыкова Л.В.* Русское эссе XX века. Художественное своеобразие, динамика жанра. – Донецк, 2009.

УДК 82-312.6

С. С. РОСОВЕЦКИЙ
(Киев)

«ЕГО-МОЯ БИОГРАФИЯ...» ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО. ПРОБЛЕМА ДВОЙСТВЕННОСТИ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ

Аннотация

Росовецкий С. С. «Его-моя биография...» Василия Каменского. Проблема двойственности авторской позиции.

В статье раскрывается проблема двойственности позиции автора в первой, 1918 года, автобиографии В. Каменского. Показано, как поэт демонстрирует читателю различие между идеальной своей ипостасью («Он») и собою как земным человеком («Я»).

Ключевые слова: Василий Каменский, позиция автора, футуризм, автобиография.

Анотація

Росовецький С. С. «Його-моя біографія...» Василя Каменського. Проблема подвійності авторської позиції.

У розвідці розкривається проблема подвійності позиції автора в першій, 1918 року, автобіографії В. Каменського. Показано, як поет демонструє читачеві відмінність між ідеальною своєю іпостассю («Він») і собою як земною людиною («Я»).

Ключові слова: Василь Каменський, позиція автора, футуризм, автобіографія.

Summary

Rosovezki S. S. «His-my biography...» by Vasilij Kamenskij. The problem of author position's duality.

This article deals with the problem of duality of position of author in the first autobiography by V. Kamenskij. Poet demonstrates a reader-targeted distinction between his ideal posing («He») and itself as an earthly man («I»).

Keywords: Vasilij Kamenskij, position of author, futurism, autobiography.

Главными исследователями творчества Василия Каменского принято считать двух пермских литературоведов и журналистов В. В. Абашева [1] и С. М. Гинца [3; 4; 5]. Особый интерес их к своему земляку понятен: ведь Каменский свою фамилию производил от названия реки Камы, а от своей фамилии образовал название своего поместья Каменки. Следует отметить, что поставленной в предлагаемой статье проблемы В. В. Абашев и С. М. Гинц не рассматривали, равно как и другие исследователи [см., в частности: 7; 8; 9].

Существует две автобиографии Василия Каменского в книжном формате, «Его-моя биография великого футуриста» (1918) и «Путь энтузиаста» (1931, 1968). Написанные с большим интервалом, автобиографии различаются по стилю, целевой аудиторией и даже идеями, подвигшими автора к их написанию. В самом начале книги «Его-моя биография...», объекта предлагаемой работы, Каменский предпринимает попытку обосновать необходимость её создания. Делает это он в главе «Понедельник» таким образом: «Связывайте Вашу биографию с Вашим искусством – это и будет идеальная критика: кто лучше Вас развернет сущность Вашего Духа, иллюстрированную образцами Творчества» [6, 5]. Этим обосновывается любопытная жанрово-структурная аномалия – множество стихотворных строк и отрывков в теле прозаической книги. И из этого можно извлечь определенное представление об изначальной задумке автора – по-новому, своеобразно связать себя в качестве объекта биографии со

своим творчеством в глазах читателя. Еще одна возможная причина тоже скрыта в тексте – желание оживить и обновить форму не только самого литературного произведения (что обычно для футуриста), но и автопрезентации писателя. При этом предполагается более активная, чем ранее, роль писателя в литературном процессе, в частности, в критике: «Отныне писатели сами должны писать о своем творчестве – иначе сгинет книга» [6, 6]; «Временно надо спасти книгу своими биографиями...» [6, 6].

Автор «Его-моей биографии великого футуриста» тапи гроргиа предпринимает несколько попыток объясниться в своей двойственности на протяжении книги. В первый раз – в главе «Суббота» [6, 17–22]. Вот только вместо того, чтобы предложить однозначное и не требующее дополнительных комментариев со стороны литературоведов и психологов объяснение этого явления, Каменский предпочитает напустить мистического тумана. Определяя себя и Его как «два бога, два дьявола», он ставит обоих на равные позиции, уравнивает перед лицом людей и истории, а главное – читателя. Сразу после этого Каменский начинает противоречить себе, заявляя о Нем: «Он одинок, высок и осенен вечностью...» [6, 18]. О себе же говорит: «Я коммерсант или кавалер, [...], слежу за чистой штиблет и зубов» [6, 18]. Такое противоречие то ли призвано продемонстрировать кокетливую неуверенность автора в своем понимании себя и Его-двойника, то ли желание запутать читателя, вызвав в результате представление об особой значимости собственной персоны. Из всего этого можно сделать вывод: для автора проблематично, да и не нужно отделять от себя Его и от Него себя. В связи с этим он и тратит драгоценные шесть страниц собственной автобиографии на подробное описание ситуативных оппозиций между Творцом и своей личностью, а также для противопоставления их атрибутики и занятий:

«Я и Он – мы останемся на веки на острове Одиночества.

Я – рыцарь Грядущаго Мира – Пятница.

Он – верный Себе Робинзон Крузо.

И оба мы – сверж оптимисты» [6, 22].

Хронологический порядок действий Каменский не нарушает и начинает собственно автобиографию с рождения, не нарушая его и потом, чего можно было бы ожидать от кубофутуриста. Вместо этого он обра-

тился к более интересному приему, связанному с переходами от одной авторской позиции [2, 422] к другой.

О своем детстве Каменский пишет в первом лице, при этом о том, что он не должен был помнить из-за общечеловеческого психологического защитного механизма, блокирующего для воспоминания память о первых 2–4 годах жизни: «Я родился 1884 в 5-й день Апреля – в центре Урала – в 35 верстах от Теплой горы в поселке Боровское, на золотых приисках» [6, 35]. Потом, со смерти отца, с позиции наблюдателя, Его, и переходит к третьему лицу: «Вася залез с чердака на крышу дома к трубе и действительно увидел, что жизнь кружится и ветер кругом – высоко, страшно упасть». С позиции современного читателя было бы логичнее сделать наоборот, но Каменский специально акцентирует внимание на том, что его Я и Он изначально были неразделимы и лишь впоследствии осознали себя как не одно целое. Автор оставляет детские годы за собой, в то время, как Творец еще ждет своей очереди на рождение.

С пробуждением Творца Каменский снова пишет от первого лица, ведь Поэт занят творчеством: «Поэт вдруг всколыхнулся, посветлел, ожил, расправился. [...] Мне тоже хотелось верить в освобождение, но причин не было» [6, 89]. Так длится почти до конца книги, точнее до писем автору. Итак, автор считал, что они с Поэтом были неразделимы, но потом осознали себя и пошли по одной дороге уже умышленно: «Я и Он. Два лица, два существа, два друга, две дороги рядом...» [6, 17].

Теперь обратимся к подробному анализу проблемы авторской позиции Каменского на примере описания дома на Каменке. Автор показывает свой дом как тандем двух сущностей, музея Поэта и своей библиотеки. В библиотеке хранятся подарки Василию Каменскому, автографы, рисунки, книги с подписями и т. д., однако в отношении их Каменский выступает как сторож и уборщик, не вступающий с ними во взаимодействие. В музее порядок, заведенный высшей сущностью Поэта, в библиотеке – «много книг». О Библиотеке автор пишет относительно монотонно, перечисляя группы экспонатов, не утруждая себя многими подробностями, однако в описании музея не жалеет красок, будто проводя две экскурсии одна за другой, выдавая слушателям специальные очки на втором круге. «Имеется библиотека, в книгах которой много книг с надписями

авторов, много – автографов – писем знаменитостей – друзей» [6, 150–151].

В музее Поэта (здесь и далее это слово у Каменского с большой буквы) – вещи, принадлежащие самому Каменскому, однако соотносящиеся, по его мнению, в некоем высшем смысле с Поэтом, который с ними общается и совершает поклонение предметам из разных эпох и мест. «И тут же – в музее Поэта – мои вещи: моя кожаная каска авиатора (привез из Парижа), орудия убийства, – защиты и охоты, – и вещи вносящие безпорядок: граммофон, кресла, шкуры, лампы, сапоги, карточки.

Порядок в музее – идеальный: здесь живет своей жизнью каждая вещь и в них – Поэт» [6, 150].

Противопоставление Каменского Поэту простирается и на время. Автор осознает, что пока Поэт полностью не реализован и потому пишет о его величии в будущем времени, происходящем из настоящего. «Когда-нибудь Каменка станет Ясной Поляной» [6, 151]. В то же время, автор растягивает существование Гения «от Начала до Века» [6, 151]. Свою же личность укладывает в конкретное «сейчас»: «Я живу дома летом (май-июнь-июль) – в остальное время года прилетаю налетом. Я всегда жду гостей – и гости приезжают. Я жду – пожалуйста» [6, 151].

В связи с этими хронологическими границами автор изображает себя ограниченным во времени и приземленным, но настоящим, а «Его» (с большой буквы) делает вечным, но ирреальным: «Не есть ли Поэт – одна из более живых вещей Музея Его, странная вещь, напоминающая людям искусственное солнце...» [6, 151].

По активности, типу деятельности и значимости автор разделяет свои функции как жреца и как сторожа: «Йог – Жрец – фанатик совершающий Свой обряд священнодействия. [...]. Я же – только сторож дверей Его святая святых...» [6, 151].

Особенный интерес вызывает нагромождение религиозных ритуалов и атрибутов в тексте. Так, окуривание священных предметов наблюдаем и в индуизме, и у христиан. Открыто называя себя «Йогом», автор приписывает себе занятие и соответствующей оккультной практикой. Сидение на турецком коврике ближе к мусульманству, однако, на нем он занимается огнепоклонничеством. Далее в тексте можно найти идолопоклонничество: «А вещи Музея на Каменке – на горе – охраняемые солнцем да

соснами – не есть ли воплощенные следы Музея Духа, которые указывают уже пройденный путь какого-нибудь звена Минувшего или Настоящего?» [6, 151].

Но все же больше всего отсылок к христианству. «Это ли не Музей Духа Его, в котором Он пребывает от Начала до Века, концентрируя в Себе океански притекающие реки познаний?» [6, 151]. О ком здесь может идти речь, как не о Боге? Стена икон с зажженными лампадами такой же христианский атрибут, как и часовня, которую он именует музеем.

Репрезентация читателю футуризма в течение всей книги и этого отрывка будоражит идеализацией. Каменский воспевает его фортиссимо после долгих ассоциативных крещендо, превознося над человечеством и культурой древней Греции. Для футуристов была характерна, как известно, подчеркнутая самореклама, и это ли не тому доказательство? «... Там – где начинается Материя – создавая миры – Землю – Человечество Культуру – Футуризм» [6, 150]. Саморекламой отзывается и несколько завистливое в отношении ко Льву Толстому уже процитированное замечание о Ясной Поляне, в которую должна была превратиться со временем Каменка.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: автор разделяет себя во всех планах восприятия минимум на две сущности: Личность и Творец. Еще можно выделить ипостаси жреца, хранителя, мистического практика и коллекционера с радушным хозяином, ждущим гостей с распростертыми объятьями. Василий Каменский пишет одновременно житие «Его» и свою биографию, сочетая точки зрения наблюдателя, участника и Творца. Минимум двойственная позиция автора вытекает из такой родовой особенности футуризма, как безмерное преувеличение собственной значимости в истории человеческой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашев В. В.* Василий Каменский: роман с Пермью // Уральская новь. – 2000. – № 8. – С.141–146.
2. *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов / пер. с франц. Г.К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М., 1987.

3. *Гинц С.* Большой поэт // Календарь-справочник Пермской области на 1964 г. – Пермь, 1963. – С. 57–59.
4. *Гинц С.* Василий Каменский. – Пермь, 1974. – 248 с.
5. *Гинц С.* Василий Каменский. – Пермь, 1984. – 221 с.
6. *Каменский В.* Его – моя биография Великого футуриста. – М.: Китоврас, 1918.
7. *Миндалин Э.* Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. – М.: Сов. писатель, 1968. – 493 с.
8. *Субботина И. П.* Художник Субботин-Пермяк. – Пермь, 1939. – С. 28.
9. *Чуковский, К.* Футуристы. – Пг.: Полярная Звезда, 1922. – С. 27–60.

УДК 821.161.1-1.09: 929 Поплавский Б-054.72(470)(045)

Ю.Ю. ВІЛЬЧАНСЬКА
(Чернівці)

ВИПРОБУВАННЯ МАРГІНАЛЬНІСТЮ (ШЛЯХ Б. ПОПЛАВСЬКОГО)

Анотація

На прикладі творчості мало дослідженого в Україні поета Б. Поплавського розкривається тема маргінальності в ракурсі релігійної детермінанти у дотик до антропологічної проблематики. Релігійна свідомість осмислюється в якості визначального фактора самоідентифікації. Рецепція тропової системи віршотворення розглядається в перспективі специфічного життєвого досвіду поета.

Ключові слова: Борис Поплавський, маргінальність, непомічене покоління, поети еміграції, тема смерті, релігійна свідомість, синкретичність.

Аннотация

В статье на примере творчества мало исследованного в Украине поэта Б. Поплавского раскрывается тема маргинальности в ракурсе религиозной детерминанты как вектора антропологической проблематики. Религиозное сознание осмысливается в качестве определяющего фактора самоидентификации. Рецепция троповой системы стихотворений рассматривается в перспективе биографического опыта поэта.

Ключевые слова: Борис Поплавский, маргинальность, незамеченное поколение, поэты эмиграции, тема смерти, религиозное сознание, синкретичность.